

Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Филологический факультет ТГУ
Совет молодых ученых ТГУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов I (XV)
Международной конференции молодых ученых
(3—5 апреля 2014 г.)

Выпуск 15

Том 2: Литературоведение

Томск 2014

Таким образом, «Выбранные места из переписки с друзьями», где доминируют неуловимые стихии воздуха и света, спиритуализируются, и можно видеть воочию, как философия и поэтика первоначал мироздания преобразуют слово в Слово, а книгу — в Книгу.

Примечания

1. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С.635.
2. О правомерности использования в отношении художественной ойкумены Гоголя данного термина, позаимствованного из труда А. В. Сухова-Кобылина «Учение Всемир», см.: Янушкевич А. С. Философия и поэтика гоголевского Всемира // Феномен Гоголя: материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя. СПб., 2011. С. 33–49.
3. Здесь и далее лексемы, коррелирующие с концептами рассматриваемых стихий, выделяются подчеркиванием: соотносимые с воздухом и светом соответственно.
4. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М., Л., 1937–1952. Т. 8. С. 215.
5. Гоголь Н. В. Указ. соч. С. 411.
6. Там же. С. 243.
7. Там же. С. 250.
8. Там же. С. 250–251.
9. Там же. С. 225.
10. Там же. С. 227.
11. Там же. С. 285–286.
12. Там же. С. 320.
13. Там же. С. 416–417.
14. Там же. С. 418.
15. Янушкевич А. С. Философия и поэтика гоголевского Всемира // Феномен Гоголя: материалы юбилейн. междунар. науч. конф., посвященной 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя. СПб., 2011. С. 49.

О. А. ТРИЗНО

Функция зеркала в русско-французской культурной коммуникации второй половины XVIII в.

Анализируется феномен «зеркальной» антиномичности в процессе поиска Россией своей национальной идентичности в контексте русско-французского культурного диалога второй половины XVIII в.

Ключевые слова: русско-французский культурный диалог, зеркало, национальная идентичность.

В литературных текстах второй половины XVIII в., затрагивающих «французскую тему», нередко встречаются три лексико-семантических оппозиции: варварство-цивилизованность, невежество-просвещенность, животность-человечность. Помимо важности того, что именно данные категории лежат в основе сравнения, сопоставления и противопоставления двух культур, не менее интересным является тот факт, что каждая из этих пар в равной степени характеризует как французов (а вместе

с ними и «офранцузившихся» русских — галломанов), так и собственно русских. Все зависит от того, с какой стороны смотреть. Так, с точки зрения носителя русского культурного сознания, животность, невеженность и варварство связаны, так или иначе, с французской культурой: Д. И. Фонвизин называет французов «изрядными скотиками» и обвиняет в дремучем невежестве, автор «Кошелька» Н. И. Новиков пеняет своим французолюбивым соотечественникам, что они «добровольно из разумного человека переделываются в бессмысленных обезьян и представляют себя на посмешище всея Европы»¹, не говоря уже о том, что мотив животности почти всегда сопутствует образу галломана, сравниваемого с обезьяной и попугаем.

Такая оценка как собственно французов, так и тех, кому французское платье стало слишком близко к телу, нередко сопровождается указанием на достоинства русской культуры: к примеру, Фонвизин в «Письмах из Франции», где он, не скромничая, на все лады ругает эту страну, не упускает возможности отметить превосходство русского уклада жизни перед французским, даже если это касается способа подачи блюд за обедом, а Новиков в «Кошельке» указывает на «древние великие добродетели, украшавшие наших праотцев и кои некоторых из наших соотечественников еще и ныне осиявают»². Однако с позиции французской стороны все выглядит с точностью до наоборот: именно русские представляются неотесанными варварами: «Без французов разве могли мы называться людьми?»³ Только общение с французами или путешествие в Париж, по мнению щеголей и вертопрахов, — единственное и необходимое условие, чтобы «блистать просвещением и хорошими нравами».

Такой двоящийся взгляд, когда один и тот же объект может быть охарактеризован двумя взаимоисключающими качествами, приводит на ум аналогию с человеком, разговаривающим со своим отражением в зеркале: все его достоинства и недостатки в равной степени характеризуют как его, так и его зеркальную проекцию.

Образ инокультурного пространства представляет собой двоядерное образование, поскольку имеет два конституирующих начала — собственно инокультурное пространство и «свое» культурное пространство, через призму которого воспринимается все, что находится за его границами. Вместе с тем, представление о себе, образ самого себя, зафиксированный в контексте межкультурной коммуникации, как правило, не выделяется в качестве отдельного, самостоятельного элемента при исследовании литературного образа другой культуры, чаще всего так и оставаясь на уровне «служебной» детали в роли все той же призмы. И в большинстве случаев это, наверное, вполне оправдано. Однако русско-французский культурный диалог в этом отношении совершенно уникален, поскольку после петровских реформ перед Россией, переодетой в европейское платье, остро встал вопрос национальной идентичности, для решения которого без «зеркала» ей было не

обойтись.

В психоанализе существует понятие т.н. «стадии зеркала», предложенное Ж. Лаканом, которое описывает «этап становления человеческого существа между 6 и 18 месяцами. Беспомощный младенец, не способный к координации движений, предвосхищает в своем воображении целостное восприятие своего тела и овладение им. Этот единый образ достигается посредством отождествления с образом себе подобного как целостной формой; конкретный опыт такого построения единого образа — восприятие ребенком своего отражения в зеркале. Стадия зеркала представляет собой матрицу и набросок будущего «Я»⁴.

Думается, что в 18 веке, когда историческое прошлое России как «не западной» страны со своей сложившейся системой ценностей фактически оказалось противопоставлено складывающейся новой культурной парадигме, связанной с ориентированностью на Европу, были сформированы условия для возникновения этапа, по своей функции тождественного «стадии зеркала». Естественная потребность любого сознания, в т.ч. культурного, в сохранении своей целостности, в данном случае без того, чтобы быть вынужденным перечеркивать историю или, наоборот, отрицать возможность интеграции в европейское пространство в виду несовместимости культурно-исторической основ, привела к необходимости увидеть себя как целое в зеркале, чтобы сформировать свой новый целостный образ, свое Я, найти для себя своего Другого, без которого немислим любой акт самосознания, и его глазами посмотреть на себя со стороны, чтобы понять, чем же это Я является. Этим другим для России стала Франция, а сама Россия, тем временем, отождествив себя с одной из европейских стран, стала Другим для самой себя, а точнее, для своего исторического прошлого, поскольку ранее на протяжении своего развития у нее такой возможности не было в виду известной культурной изоляции и, как следствие, отсутствия необходимых условий для того, чтобы посмотреть на себя со стороны, «чужим» взглядом.

В итоге Россия оказывается как бы между двух зеркал: между своим прошлым и «европейским» настоящим, и, думается, что такое сравнение — больше чем просто метафора, поскольку оно очень точно отражает природу той зеркальной антиномичности, когда один и тот же субъект оказывается в одно и то же время носителем противоположных качеств: пытаюсь реконструировать свой собственный образ, он находится между двух зеркал, и диалог происходит, по существу, не между субъектом и отражением, а между двумя его отражениями, которые, при этом, являясь всего лишь его проекцией, не совпадают с ним полностью. Таким образом, упрек или похвала в адрес одного из отражений — это одновременно упрек или похвала и самому себе.

Итак, образ самого себя в этот период истории России нельзя сравнивать просто с призмой, через которую оценивается то, что находится вне

границ своего, поскольку относительно цельного, завершенного «я» в тот момент еще не существует, оно находится в процессе формирования, оказавшись между двух поставленных друг против друга зеркал, когда культурное сознание смотрит на себя одновременно через две призмы — на одно свое отражение через другое и наоборот.

В этом смысле позиция щеголей по отношению к своим соотечественникам является наиболее полной и целостной формой выражения одного из таких векторов «вглядывания». Оставаясь по происхождению русскими, они начинают идентифицировать себя с французской культурой и, соответственно, транслируемый ими взгляд на Россию можно считать взглядом на самого себя с точки зрения француза (вернее, с точки зрения своего представления о том, каким ты являешься в его глазах).

Примечательна следующая деталь: с позиции галломана России на карте цивилизованного мира все равно, что не существует. По его мнению, русский народ дик и неразвит, и только подражание французам может позволить им назваться людьми: «Одно только обхождение со французами и путешествие в Париж могло хотя некоторую часть россиян просветить. <...> Умели ли мы прежде порядочно одеться и знали ли все правила нежного, учтивого и приятного обхождения, тонкими вкусами утвержденные? Без них не знали бы мы, что такое танцованье, как войти, поклониться, напырскаться духами, взять шляпу и одною ею разные изъяслять страсти и показывать состояние души и сердца нашего»⁵.

Оставив в стороне вопрос о резонности этого замечания, примем во внимание, однако, тот факт, что субъект речи, в данном случае, — молодой человек, взявшийся защищать французов от несправедливых, как ему кажется, обвинений, приобрел свои знания о России преимущественно из французских источников — исторических сочинений французских авторов, что делает его позицию по отношению к русским в полном смысле специфически французским взглядом на русскую культуру. Все это косвенно указывает на отсутствие своего собственного представления о себе, своей истории и национальной идентичности, что, собственно весьма симптоматично для периода поиска Россией своего пути, о котором можно говорить как об эпохе зарождения национального самосознания в русском обществе.

Семантика «пустого места» на карте мира — это не только литературная примета профанного сознания, носителями которого являются щеголи и вертопрахи: в «Письмах из Франции» она также имеет место — уже как культурологический факт. Многие французы, как оказывается, и вовсе не знают ничего об этой северной стране: «Дворянство, особливо, ни уха ни рыла не знает. Многие в первый раз слышат, что есть на свете Россия и что мы говорим в России языком особенным, нежели они»⁶. Это наблюдение автора, которое послужило очередным поводом обвинить французов в глупости и невежестве, вместе с тем, словно бы

семантически удваивается: Фонвизин остается русским сам для себя до конца, в его письмах нет «точки зрения» на себя со стороны французской культуры как на иностранца. Автор не делает попытки встать на позицию другого и посмотреть на себя его глазами, в центре внимания, в конечном итоге, находится не чужое, а свое, и наблюдениям о своеобразие уклада жизни во Франции и ее культуре отводится вспомогательная роль как средству оттенить и выявить свое национальное своеобразие, свой национальный характер. Таким образом, в «Письмах из Франции» подлинно Другим оказывается историческое прошлое России, через которое автор вглядывается, не без отвращения, в отражение в противоположном зеркале.

Разрушение этой двузеркальной модели связано, в первую очередь, с творчеством Н.М. Карамзина: «Письма русского путешественника» были принципиально новым словом в споре о России и Западе. Карамзин вводил читателя в мир, где Россия и Запад не противостояли друг другу. Европа была ни спасением, ни гибелью России, она не отождествлялась ни с Разумом, ни с Модой, ни с идеалами, ни с развратом, она стала обыкновенной, понятной, своей, а не чужой»⁷. Наряду с этим, происходит выход из «стадии зеркала», что, однако, не означает ее полного преодоления: «Стадия зеркала — не просто эпоха в истории индивида, но изначальный этап истории, исток истории, в котором начинается непрекращающаяся до конца дней битва человеческого субъекта за самого себя, борьба с другим собой, со своим двойником. Понятие двойника появляется здесь не случайно. <...> Психологическое исследование «феномена двойника» позволяет выдвинуть предположение, что его исходной позицией является фиксация на стадии зеркала»⁸. Если мы взглянем на то, во что перерастает зеркальность в русско-французской культурной коммуникации на следующем этапе (первая половина XIX в.), то мы определенно обнаружим двойничество в форме противопоставления русской и французской культур как «мира» и «антимира», другими словами, реальности и ее вывернутого наизнанку темного двойника.

Примечания

1. Новиков.Н.И. Избр. соч. М., Л., 1951. С. 76.
2. Там же. С. 76.
3. Там же. С. 91
4. Лапланш Ж., Понталис Ж.— Б. Словарь по психоанализу. М., 1996.
5. Новиков Н. И. Указ. соч. С. 91
6. Фонвизин Д. И. Собр. соч.: в 2 т. М., Л., 1959. С. 423.
7. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 564.
8. Брудный А. А., Демильханова А. М. Феномен двойника и «стадия зеркала». // Историческая психология и социология истории. Т. 2. № 2. 2009. С. 42–54.